
Лето. Список. Поцелуй
Татьяна Грац

Татьяна Грац

Лето. Список. Поцелуй

«Автор»
2026

Грац Т.

Лето. Список. Поцелуй / Т. Грац — «Автор», 2026

Второкурсник Зяблик влюблен в Солнце с пятого класса, но до сих пор лишь мечтал о том, что они будут вместе. Ради нее он завел собаку, стал поклонником фаер-тренировок и даже научился кататься на скейте. В один из летних вечеров он все-таки решает признаться в своих чувствах и соглашается на список антижеланий, который должен выполнить, чтобы заслужить поцелуй любимой. Справится ли Зяблик с запросами Солнца и друзей? Или любовь — штука непредсказуемая и спискам не поддается?

© Грац Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Плейлист 5
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 21
Глава 5 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Лето. Список. Поцелуй

Плейлист

Lana Del Rey — Summertime Sadness
Shakira — Whenever, wherever
t.A.T.u — Нас не догонят
Lord of the Lost & Blümchen — The Look
Billie Eilish — Everything I Wanted
Miley Cyrus — Wrecking Ball
Пропаганда — Фиолетовая пудра
Queen — I Want To Break Free
DELTO — Когда остался без тебя
Styles Of Beyond & Mike Shinoda — Second to None
Ваня Дмитриенко и Анна Пересильд — Силуэт
Within Temptation — Summertime Sadness

Глава 1

«Все-таки идиотской была идея завести собаку», — вяло плещется мозг в ушах. На рассвете, под лучами адского солнца, он продолжает таять, недоумевая, по какой причине надо вытаскивать тощее тело на воздух и проходить несколько кварталов с натянутой веревкой. Не я выгуливаю Харитона Борисовича, а он меня: корги дерзко рвется вперед, проскальзывая короткими лапами по бетонированной дорожке. Он надеется многое успеть, к примеру, догнать бабочку, поваляться в траве, затем отметить это дело задиранием лапы, а еще непременно обежать фонарный столб и запутаться в поводке. Но в шесть утра мое состояние нельзя назвать адекватным, потому я с этим столбом обнимаюсь, приложившись лбом к холодному металлу. Уже лучше. По крайней мере, в этом положении не так сильно щиплет глаза щиплет от назойливых контрастов.

— Харри, рядом! — даю команду четвероногому, но «тумбочка» продолжает движение, окончательно обвив столб поводком.

Не хочу сказать, что корги бестолковый, скорее это моя вина. У меня нет должного характера, чтобы воспитать столь строптивую зверушку, несущуюся куда угодно, но только не туда, куда нужно, а все потому, что…

— Доброе утро, Зяблик, — здоровается со мной девушка моей мечты. — Привет, Харитоша! Иди ко мне, булка лютая, затискаю! — а это она уже говорит моему приятелю корги. Тот натягивает поводок на всю длину и подскакивает вверх, приветствуя старую знакомую.

— Привет, — расплываясь в самой-самой широкой улыбке, выдаю я.

У меня есть несколько минут, чтобы полюбоваться объектом своего обожания. Ее зовут Саша, но вся компания называет Солнцем. Она такая и есть: волосы цвета пшеницы с раскидистых полей, обдуваемой легким летним ветерком; глаза — бесконечно голубое небо, с блеском самых ярких звезд, до которых не достать. Молочная кожа, покрытая ровным загаром и тонкими струйками пота из-за бега. Взмыленная, с раскрасневшимися щеками и сбившимся дыханием. Такая красивая. Солнце.

Я вспомнил, зачем завел собаку. И уже не жалею.

— Ты придешь сегодня на пляж? — ее взгляд чересчур требовательный, будто она спрашивает не первый раз.

— Я? Да. Да, — неуверенному человеку нужно согласиться дважды, чтобы самому же поверить в сказанное.

— Вот и хорошо: нам нужны зрители. Мы сегодня зажжем!

Под ласковым влиянием Солнца Харитон Борисович приваливается на спину и, вытянувшись, подставляет белое пузо для поглаживания. «Хитрый лис! — ревную, обделенный вниманием. — Ну ничего, придет и мое время!» Саша проходится ладошкой по его шерстке от шеи до живота, рассыпаясь перед ним во всяких приятностях и комплиментах.

Почему-то собакам, особенно «такому милому пирожочку и сладкой булочке», легче добиться расположения у девушек, нежели худощавым девственникам с заниженной самооценкой, вроде меня. Нет, все не так плохо, я очень даже ничего, как говорит Юля (про нее чуть позже). У меня тоже длинные черные ресницы, на которые девчонки смотрят с завистью, очаровательные карие глаза и вполне здоровые шоколадного оттенка волосы. Я смазливый и милый до тех пор, пока не открываю рот. Все, что дальше внешности, — беда. Я заикательно-стеснительный. Да и вообще, о чем говорить: вместо того чтобы пригласить Солнце на свидание (а я влюблен в нее с пятого класса, сейчас мы уже студенты-второкурсники), завел собаку, чтобы вот так гулять по утрам и якобы случайно пересекаться с Сашей. Не спорю, идиот. И не только в этом.

Саша без ума от скейта, как оказалось позже — и я без ума от скейта. Всю старшую школу она находила себе занятия, заодно и мне. Мы росли на одной улице, в одной компании, но как будто бы в разных вселенных. Изо дня в день я мечтал, что Солнце разглядит во мне не только дебильного соседа, чью собаку можно потискать после изнурительной беговой тренировки, и не только того самого Зяблика из компании, готового прийти на помощь в любой момент, но и парня, крутого парня, с которым можно приятно провести время. У нее было очень много шансов увидеть во мне человека достойного: в школе мы вместе с одноклассниками драили класс; ездили на экскурсию в одном автобусе, разве что находились друг от друга через два сиденья; бывало даже, что Солнце приходила потрогать тарантула в зоопарк, в котором я подрабатываю, но ладно, это плохой пример, тогда мы поссорились… В общем, я успел рассмотреть ее со всех ракурсов, но так и не смог заставить себя приблизиться к Солнцу.

Стоять и тупить — мое кредо. Солнце, попрощавшись с Харитоном, убегает в рассвет, потрясая густыми волосами и оставляя за собой сладкий аромат духов, перемешанных с чем-то природным, естественным, неповторимым. Я отмираю как по щелчку, разматываю поводок от столба и иду в сторону дома: миссия выполнена по всем фронтам.

Вхожу тихо, чтобы не разбудить родителей. Я и сам не прочь поспать, но работу никто не отменял, а суетливый корги носится вокруг меня, ожидая утренней кормежки.

— Ненасытная псина! Тебя же не прокормишь! Харитон Борисович, а ну! Место! — но какое там место, пес только активнее задавливает меня тычками лапок, едва присаживаюсь на корточки.

Зажав в кулаке хрустяшку, проношу ее рядом с его вытянутым носом, корги хочет отнять вкусность, но не получается. В ход идет собачий язык, собачьи зубы, а под конец он пускает все свое обаяние, точно не ел последние «эндцать» лет. Сдаюсь. Это я так, ворчу на Харри из-за несбывшихся надежд, на деле же люблю этого засранца безмерно. Год назад я хотел его приручить, но даже собака поняла, что куда удобнее приручить меня и делать со мной что угодно. Такой я человек.

На завтрак у нас обычно оладьи или блинчики; если уж совсем не успеваю, то бутерброды. Сегодня как раз один из таких дней, когда хочется стать кем-то еще, кроме самого себя. Я нахожусь, чтобы вырезать из тостов основание и залить пустоту яичной жижей. Под шумок масла на сковороде и один наушник с Summertime Sadness1[1] у меня что-то да выходит. Еще в отдалении слышно, как хлопает входная дверь. Харитон бежит встречать гостью, как всегда, с дикими визгами и абсолютной, бескорыстной радостью. Хотя… почему бескорыстной? Харри знает, что Юля обязательно даст ему вкусняшку, этому мохнатому баловню.

— Харри-Барри! — раздается счастливый возглас Юли. Надо же, ей достаточно быстро удается пройти на кухню. — А ты чего в трусах? — это уже мне.

— Это летние бриджи.

— Нет, выглядят как семейники. У меня отец в таких по дому щеголяет, — вымыв руки, Юля садится за стол, подперев щеку.

— Заметь, я тоже дома.

— Но выходил гулять в них же?

— Да.

— И спал в них?

— Здесь могу пояснить: я вчера устал как собака, не успел раздеться.

— Значит, семейники!

— И как долго ты собираешься обсуждать мои трусы?

— Пока тебе не станет стыдно и ты не переоденешься.

[1] Песня американской певицы Lana Del Rey.

С Юлей полностью противоположная ситуация. Она — моя заноза. Вместе с детского сада: играли в песочнице, притаскивали домой вонючих ужиков и получали наказание пополам, сдирали коленки, перелезая через забор, и расшибались на великах, несясь как окаянные с горы. Наши родители спали и видели: влюбимся в друг друга, перерастем детскую привязанность и станем целоваться в подворотнях. Но, слава богу, обошлось. Юля позже прикипела фанатской любовью к музыканту и постоянно им тычет мне, он у нее на заставке в телефоне стоит, а я обожаю Солнце. Два безнадежных романтика с разбитыми сердцами. Зато вдвоем не так больно страдать.

— Юля, доброе утро! — мама выходит заспанная в коридор.

— Здрасьте, теть Наташ. Сварить мой фирменный? — реагирует Юля, активно пережевывая мой горячий бутерброд с яичницей вместо хлебобулочной сердцевины.

— А то! И дяде Андрею свари, может, быстрее приползет из кровати на запах.

Юля одно время подрабатывала бариста, а мне на день рождения подарила кофемашину, на самом деле не такую уж и дорогую, я прогуглил, но все равно приятно. А что еще круче: Юля постепенно перевезла к нам всякие сиропы и добавки и теперь, когда она появляется у нас дома (то есть почти каждый день), непременно готовит кофе для всей моей семьи.

— Яр, что это за произведение искусства? — мама пробует мой бутер. — Боже, спасибо тебе, что послал мне таких заботливых детей, у которых руки растут из нужного места!

И, в конце концов, Яр — это я. Зябликов Ярослав Андреевич. Конечно, никто меня так не называет. Чаще Зяблик. С переменным успехом Яр или Ярик. Но я не обижаюсь: зяблик вполне красивая птица, еще и певчая, весом достигает тридцать граммов. Мы похожи. Оба любим Солнце, только птица свое, а я — свою; трудимся и не унываем, иногда поддаемся социализации. В неволе живем спокойнее и дольше. Еще зяблики мигрируют. Боюсь, если от родителей мигрирую я, то продержусь — как эта маленькая птичка в природе — не больше двух лет. И то, проживу двадцать четыре месяца просто по накатанной, а дальше надоест и притворюсь мертвым.

Юля подает королевский латте на стол в бокалах на высокой ножке. Вместе с сахаром в кофе благополучно слиты карамель, кокосовое молоко и корица, может быть, еще какой-нибудь сироп. Приторная нежнятинка, но привыкаешь быстро. Мама спрашивает у Юли о наших планах, папа протискивается мимо и машет ладонью в качестве приветствия. Харитон, обычно таскающийся хвостиком за каждым членом семьи, смирно сидит у обеденного стола и ждет новостей, мол, дадут чего или потребуются глаза кота из «Шрека» на максималках.

— Мы с Яриком после работы на пляж, — заявляет Юля, заправив за уши темные локоны удлиненного каре и присосавшись к трубочке с кофеином.

«Да откуда ты знаешь?» — сморщившись, бесшумно спрашиваю я. Издержки пятнадцатилетней дружбы: нам с Юлей достаточно перекинуться взглядами, и все становится ясно.

— Ребята сегодня там будут тренироваться с огнем, хотели поглазеть. И искупаться, погодка на улице потрясающая! А у вас, теть Наташ, когда отпуск?

Женщины болтают без умолку, пока я вместе с яичницей пережевываю мысль о том, что Юля в курсе вечернего мероприятия, то есть Солнце не вручила мне тайное послание, когда пригласила на пляж. «Или не приглашала? Она спросила, приду ли я. Разве это не приглашение из желания, чтобы человек оказался в том же месте, что и ты? Ненавижу эти девчачьи намеки! Как тут вообще разобраться?!» — путаюсь в догадках окончательно, выбившись из реальности в мир, где мы с Солнцем идем за руку по берегу песчаного пляжа. Она рассказывает о новых кроссовках или платьице, совсем неважно о чем, ее всегда приятно слушать. Я дарю ей розу. «Стоп, ну роза-то откуда появилась? Не иначе как из речки выловил? А что, очень может быть, там прохладно, не завянет, ладно…» Пляж, Солнце, роза и я — прикасаюсь ладонью к ее щеке, чтобы притянуть к себе и поцеловать…

— Зяблик, на работу опоздаем, — вырастает у меня за правым плечом Юлина голова и кусает за ухо.

— Ауч! Зараза! Больно! — зубы у нее что надо, быстренько возвращают меня на кухню. Сказать честно, я почти ничего не съел, да уже и не хочется.

Мама хохочет над нашими игрищами, папа желает нам хорошего дня. Везет, у них рабочий день начинается с девяти. Им еще сидеть и сидеть! Мама работает консультантом в мебельном магазине, отец — на металлургическом заводе. У нас не сказать чтобы очень богатая семья, но на жизнь хватает. Среднестатистический заработок мотивирует к карьерному росту. Это я к тому, что в универ поступил сам, на факультет туризма, и в свободное время не шастаю где попало, а стараюсь заработать хоть какую-нибудь копеечку на личные расходы. Пожалуй, на нормальное свидание с Солнцем мне потребуется копить до конца лета.

Под настойчивым Юлиным взглядом меняю бриджи на джинсы, но подозреваю, что вспотею в них уже через час. Наверное, для ускорения выделений из потовых желез накидываю сверху на футболку джинсовку, и мы выходим из дома. На самом деле это не просто джинсовка, это счастливая джинсовка. Она оверсайз и унисекс, потому отлично сидит и на мне, и на Юле и постоянно кочует. В зависимости от того, кому удача нужнее.

У самых ворот припаркована белая «Лада Гранта». Юлин отец купил поддержанный автомобиль, чтобы его любимая дочка, получив права, могла тренироваться в вождении. Юля и тренируется, только бензин в бак успевай заливать: катается по всему Кировску, развозит друзей по домам, пробуксовывает на песке и дрифтует на безлюдных парковках по ночам. Короче, первым делом, когда сажусь в машину, я пристегиваюсь. Знаю, что это первое правило безопасности, но с Юлей оно будто бы нулевое, необходимое, даже если тачка стоит на месте. Так сказать, унесет мимолетным ветром очередной безбашенной идеи, если вовремя не пристегнуться.

— Откуда ты знала про пляж? — уточняю на всякий случай.

— Тимофей написал, — пожимает плечами Юля, заводя двигатель.

— Вы общаетесь?

— Пытается меня склеить, — хмыкает подруга, как бы невзначай. Точно ей по барабану внимание красавчика. А Тимофей-то и правда красавчик. Загорелый, высокий, накачанный, фаерщик. В общем, как шампунь для мужчин — тринадцать в одном.

— Ну и склеилась бы.

— Ага, щас. Разве он похож на Исая? Нет? Вот и я о том. Кстати, я фон обновила, посмотри. С фотосессии.

Юля протягивает мне свой телефон. Нажимаю боковую клавишу, и передо мной предстает он — любовь всей Юлиной жизни, хотя, может, и не всей, от силы года четыре. Исай (все время забываю его имя) Батькович. Длинноволосый мужик с татуировками повсюду, кольцами и браслетами на руках, словно сбежал со съемок «Битвы экстрасенсов», и дерзковатым взглядом, под влиянием которого хочется улететь на Луну и больше не возвращаться. Не понимаю, чего Юля в нем нашла. Она утверждает, что он хорошо поет. За четыре года у меня выработался иммунитет на его песни: вот сейчас он явно играет из колонок, но я не слышу, то есть его голос не врезается мне в уши и не стучит по голове молотком.

— Брутальный, — киваю и возвращаю телефон.

— Милашка! Так и хочется покусать! — дрожит от восторга Юля и зацеловывает экран с любимчиком.

— Странное проявление симпатии, однако.

— Ну не бегать же мне за ним десять лет, как некоторые. Приедет с концертом, и я сразу возьмусь за дело.

— На что ты намекаешь?

— Сам знаешь.

— Это другое.

— Ну конечно! Ты ждешь, когда она сама проявится? Прости, Яр, но ты не рок-звезда, чтобы на тебя вешались.

— Зато она… Солнце, — вздыхаю я, осознавая, что Юля не помню в какой раз права. Будь я хоть кем-то получше, чем всего лишь Зяблик, было бы намного проще завоевать внимание Саши.

— Пучеглазая зазнайка с плоским задом, — Юле она видится иначе.

— Нормальный у нее зад!

— Скажи ей об этом, придурок.

— И скажу!

— Когда?

— Скоро.

— Сегодня, — зыркает на меня подруга.

— Сегодня?

— Сегодня. Пляж, огонь, все дела. Обстановка располагает. Хоть кто-то из нас должен кайфануть этим летом. Не переживай: от зависти не лопну; потом расскажешь, каково это — быть влюбленным и… любимым.

Мы оба вздыхаем. Тяжело и протяжно. И каждый о своем. Пока я вздыхаю о разлуке с самой красивой девочкой на свете и мечтаю поскорее завоевать ее сердце, Юля жалуется:

— Жарко.

И все. На этом ее страдания заканчиваются. Буквально через секунду на ее лице появляется подобие улыбки, но фокус перетягивает рот, широко раскрывающийся в такт словам песни. Подруга беззаботно удерживает руль одной рукой, а второй делает музыку громче, еще через минуту она не стесняется кричать на весь автосалон незамысловатые тексты Исая. Юля подмигивает мне и тыкает пальцем в плечо, чтобы не кис. И тут хочешь не хочешь — перестаешь. С Юлей весело, она, как пушинка, легкая на подъем и по-хорошему чокнутая. Я же представляю себя ее заземлителем, тем, кто опускает девицу на грешную землю, когда «чокнутость» переходит прозрачные границы дозволенного. К слову, устроиться рабочими по уходу за животными в зоопарк — это идея Юли. Звучит хорошо до тех пор, пока дело не доходит до практики.

Глава 2

День кипера — рабочего по уходу за животными — нельзя назвать однообразным, как и нельзя сказать, что происходящее мне в новинку. Зоопарк в Кировске довольно небольшой, у киперов нет специальной униформы, только установленные правила. По типу добродетелей: «не укради», «не обмани», «возлюби» — у нас так же. Правда, в основном указания касаются нашей же безопасности: никаких украшений или выпадающих из-под головного убора волос; максимальная концентрация при открывании и закрывании любой клетки; физическая выносливость и хорошее настроение, потому что животные понимают, кого хотят съесть в случае Армагеддона в голове рабочего.

К счастью, я сегодня ношусь по зоопарку в хорошем расположении духа. Охотно растираю и смешиваю корм для птиц, позже рассыпаю его по мискам. Меня суетливо встречают крикливые волнистые попугайчики, красный и зеленый ара, неразлучники и даже монохромный какаду, которого зовут Гоша. Мой братишка, обожаю поговорить с ним о жизни, пока сыплю зерна. Гоша садится на плечо и прикладывается клювом к моему лицу, назойливо подхватывает кончик трикотажной шапочки и пытается ее стянуть.

— Привет, разбойник! — поправляю шапку.

— Ярррик калоша, Гоша хороший, — отвечает какаду.

— Вот тебе и все! Чего это я калоша? Я тебе поесть принес, как-то не по-товарищески, Георгий, знаешь ли!

— Завтрррак, завтрррак! Добрррое утррро, калоша!

— Да кто тебя научил? Ладно, приятель, хорошего дня.

— Ярррик молодец! — заявляет Гоша, едва я снимаю его со своего плеча и усаживаю на жердочку.

Я настолько безнадежен, что мне приятно слышать комплимент от попугая. Беру ведро и иду к различного рода курам, гусям, уткам, в общем, живности кучкующейся, с открытыми вольерами, куда входить необязательно, чтобы покормить. Отовсюду слышатся оживленные птичьи голоса, отдаленно — рык хищных животных. Но меня пока не подпускают ни к медведям, ни к волкам, ни тем более к тиграм. Хоть мы с Юлей и работаем одинаково — второе лето, у нее прогресс идет быстрее. Ей доверяют самых опасных, потому что у нее достаточно хорошо развита реакция на непредвиденные ситуации, я же столбенею, если что-то идет не по плану. Но, вообще, никогда не мечтал оказаться в одной клетке с хищником. Мне енотов хватает.

Вот кто самые отвязные хулиганы! Иногда еноты видятся мне гопниками. Да, они милые и пушистые, но это мнение обманчиво. Зоопарк у нас наполовину контактный, поэтому еноты живут в чистоте и роскоши, имея не просто клетку, а целый дом! Со всякими побрякушками, колесом для бега, детской кроваткой и игрушками, точно они малыши. Я только захожу к ним в гости, меня тут же обступают со всех сторон. Ромик, Ковальски, Серый и Жанна. Я все еще говорю про енотов, если что. Они не ждут, когда я насыплю им в тарелку свежих фруктов и ягод — кто-то уже карабкается по моим штанам сзади, впиваясь через ткань в кожу длинными когтями. Ромик. Кривлюсь от боли, но терплю: отодрать от себя енота — та еще задачка! Сажусь на корточки и жду, пока хулиган сам соизволит спуститься. Изворотливые, проворные, цепкие и хитрые, но такие родные. Чешу Серого за ушком, пока он отвлекся на еду. Жанна в это время уже изучила все мои карманы. Она знает, что специально для нее у меня всегда припасено угощение: маленькое сухое печенье, или кусочек моркови, или огурца, несколько ягод винограда. Она так радуется, когда находит угощение. А как я радуюсь! «Интересно, а с человеческой девушкой такое прокатит? Ну, сюрприз в кармане», — размышляю на этот счет.

Выхожу из клетки, едва не выпустив Ковальски. Он опять работал под прикрытием — забрался под перевернутый таз и внезапно выскочил в момент открывания дверцы. Хватаю

его под лапки на полпути из вольера и помещаю обратно. Еще одно немаловажное правило киперов: из клетки ты должен выходить один, даже если кажется, что воспитанник зоопарка душка. Любое отклонение может поставить под угрозу жизнь животного или даже человека.

— Ковальски, отдыхай, ты в отставке, забыл? Отпуск, — объясняю ему свое поведение.

Вроде бы енот, но смотрит на меня умоляющими глазками, которые словно блестят от слезок. Я умилюсь этому взгляду и еле заставляю себя выйти из домика. Что говорить, я бы с этими пушистиками весь день прокопался, но работы довольно много и внимание нужно уделить каждому. Когда меня принимали на работу, то одним из вопросов был: «Любите ли вы животных?» Бесспорно, я ответил, что да, люблю. Помню, меня удивил этот вопрос. Однако, проработав всего неделю, я понял, что любовь к братьям нашим меньшим — чуть ли не самый важный ингредиент. Это как с людьми: если ты социофоб, то вряд ли поладишь, грубостью или злостью мало чего добьешься. Животные все чувствуют и включают самозащиту. Так запрограммировано природой. Поэтому, хоть я бурчу и позволяю себе отпускать всякие колкости в адрес пушистых и звонко орущих — все равно люблю воспитанников зоопарка такими, какие они есть. Как говорится, в семье не без урода. На языке животных, полагаю, это говорится про меня. Братишки из доброты душевной терпят мое нудное присутствие и пускают в свою жизнь.

Вплоть до обеда выполняю различные поручения вышестоящих сотрудников. В зоопарке жизнь бьет ключом: детеныши рождаются и вылупляются, старые жители вольеров уходят на долгожданный покой, а некоторых перевозят в другие места по договору. Я и физически выносливые киперы таскаем мешки с кормами и тачки с отходами по невидимым дорожкам, чтобы как можно реже пересекаться с посетителями зоопарка. Я обязательно налетаю пару раз на детей и отвечаю, как зовут «вон ту сутулую собаку» (вообще-то это волк, просто вид у него болезненный) и «этого милого носорога». Но это буйвол. Девочка настаивает на своем. Завидую ее напору и самоуверенности, еду с тачкой дальше. Гости зоопарка снуют туда-сюда, мне кажется, они приходят перевыполнить план того, чего делать нельзя. Тычут пальцами в клетку с пантерой, путая хищное животное с элегантной большой кошкой; кормят и без того сытых коз, а им все мало; и обязательно заходят за ограждение, чтобы сфотографировать страусов. «Да эта пернатая машина для убийств одним ударом черепушку может вынести!» Похоже, людям нравится рисковать, полагая, что риск — дело благородное, но никто не задумывается, что заодно и бестолковое.

— Яр!

Юля мчит ко мне на всех порах. Ее голос я услышал еще за несколько метров до появления самой обладательницы из-за угла. Я, распластавшись в полулежачем состоянии на скамейке, более-менее перевариваю обеденную жару. Под шапкой мокро, в подмышках течет, чувствую, что мои кроссовки могут стать биологическим оружием для окружающих, если их сейчас снять. Я воняю конкретно. Но кого я обманываю? Вонь автоматически прилагается к работе кипера: никакой парфюм не спасает от животных секреций и специфического запаха, который преследует тебя даже после десяти водных процедур с намыливанием тела от и до. Просто привыкаешь и делаешь вид, что не пахнешь.

Почему вспомнил? У Юли, к сожалению, сделать вид не получается. От нее несет лисьей мочой, когда она стискивает меня в дружеских, но чересчур крепких объятиях. Такое ощущение, будто она стояла по центру вольера, а лисы ходили по кругу и поочередно пускали на нее фонтаны. Несет не по-детски.

— О-о-о, черт, надеюсь, твои «Шанельки» еще не кончились, потому что они потребуются! Юля, в тебе умер хороший человек! — медленно отдираю подругу от себя и сажаю рядом с собой. А ей хоть бы хны! Вся такая лучезарная и заряженная, светится и лыбится.

— Он приедет! Приедет! Ты просто обязан со мной сходить на концерт! Все! Это случится! Он будет здесь! — она не в себе от счастья.

— Ух ты! — легко догадаться, о ком идет речь. — И когда?

— Четвертого июля! Иса до последнего сомневался, что поедет, но час назад менеджер дал добро! Выложили пост в официальной группе! Правда, концерт будет не в Кировске, а в Казаниче, но это ничего, там всего восемьдесят километров! Я купила билеты! И знаешь, что самое главное? Я взяла Meet and Greet2[2]!

— Ты же понимаешь, что там будет много фанатов? — не хочется портить радостный момент, но предостеречь подругу все-таки надо. Она же, как я, мечтательная: напридумывает себе сценок с Исой тет-а-тет, а в итоге окажется в толпе писающих кипятком девочек и одного важничающего павлина с микрофоном.

— Зяблик, нудятина, ты можешь хоть раз в жизни не ворчать? Понимаю, конечно. Но я же не так пойду, постараюсь выделиться.

— Можешь и так, твои «лисьи духи» он обязательно почувствует!

— Да пошел ты! — хохочет Юля. Она вскакивает со скамейки и больно хлопает меня по плечу: — Кто последний за мороженым, тот вонючий индюк!

Она бежит, оглядываясь, ждет, что я тоже побегу. Я нехотя догоняю, мы игриво толкаемся в движении. Юля дергает меня за шапку, та слетает, и мои отросшие волосы падают ей в руки: подруга треплет мою шевелюру, тогда как я пытаюсь закинуть девушку на плечо, но пока тараню башкой в живот, нет сил из-за смеха, чтобы оторвать ее от земли. Юля утонченная и бóльная — встречаюсь с ее выпирающими косточками на тазике, похоже, на лбу появится синяк. Она уже не смеется — ржет, доставая пальцами до моих сырых подмышек, и тут же фукает, мол, сам хорош и по мне душ плачет. Все-таки поднимаю подругу и укладываю на плечо. Покачиваясь, дохожу до ларька с мороженым и покупаю обыкновенный пломбир, потому что другие виды мороженого слишком сладкие для такого знойного лета. Попа Юли на моем плече, обтянутая в узкие джинсы (в плане что говорит сама Юля, но ее лица не видно продавщице), просит фруктовый лед.

— Слипнется, — констатирую факт.

— Не посмеет! — утверждает Юля где-то там, сзади, обхватив руками мой торс.

Через минуту, отвоевав себе свободу, Юля в нетерпении вскрывает упаковку от мороженого и принимается обходить ледяной десерт языком. Для полного кайфа она становится под водную арку, специально созданную для посетителей, чтобы охладиться в жаркий день. Я же пристраиваюсь на лавочке неподалеку и с удовольствием наблюдаю, как моя чокнутая берет от жизни все. По максимуму. Юля не боится посторонних взглядов и осуждающих мнений, танцует под имитированным душем ламбаду, закусывая это дело трехцветным фруктовым льдом. И я совсем не хочу представлять, какого оно на вкус, если намокло под распрыскивающимися струйками…

— Ты будешь по мне скучать? — спрашивает она.

— То есть?

— Ну когда я перееду в Питер, Иса ведь в Питере живет.

— Прямо с концерта отправишься с ним в Питер?

— Почему же? Сначала мы проедем оставшиеся города из гастрольного турне, а после — да, в Питер. Будем есть круассаны на завтрак, а по вечерам бегать в парке, по выходным плавать в бассейне и выезжать на дачу, слушать там виниловые пластинки и танцевать под «Нирвану», — все эти увлечения звучат как вырезки интервьюшек из глянцевых журналов, но я, разумеется, промолчу. Мне нечем возразить, потому что у меня на языке замерзшее молоко и сливки, а в голове — вечер с Солнцем, где она тоже танцует, но с огненными веерами под Шакиру. Моя королева.

---

[2] Билет VIP-варианта, который дает возможность лично встретиться с музыкантом, сфотографироваться с ним, взять автограф и пообщаться.

«Может быть, мы с Юлей оказались на светлой стороне, где каждый день везет? Что, если нам воздастся за все годы мучений? Юля встретит своего ненаглядного Исая и уедет с ним в закат. А рядом со мной всегда будет Солнце, мы заживем счастливо, как в женских романах — с хеппи-эндом и приятным эпилогом в качестве бонуса?»

Глава 3

На пляже собирается довольно много людей. И не все наши. Кого-то я знаю лично, но в основном это зеваки, желающее поглазеть на танцы с огнем. Я отрешенно — мне кажется, что отрешенно, — сижу на расстеленном коврике у реки и любуюсь закатом. В моей вселенной солнце светит даже после захода. Саша, расставив широко руки, двигается в такт музыке и ждет, когда начнутся первые подходящие аккорды. На ней короткий топ и такого же толка шорты, только джинсовые. Ноги частично прикрывает повязанная на бедрах клетчатая рубашка. Она, как восточный пояс, повисает юбкой на точеной фигурке и дает волю моему воображению.

Музыка разгоняется, Солнце тоже. Дремавшие в ее руках огненные веера начинают движение. Огонь шуршит, встречаясь с ветром. Несмотря на то что сижу в стороне, до меня долетают керосиновые капли, окропляя и без того пропахшую чужеродными ароматами джинсовку. «Юля же потом убьют за ценную вещицу, надо постирать», — меж делом даю себе установку, но тут же забываю обо всем, когда Солнце кружится вокруг своей оси и соблазнительно покачивает бедрами. Я обескуражен ее танцами и мастерским владением огнем. Солнце подчиняет себе опасную стихию, прогибаясь в пояснице, рисует в воздухе геометрические фигуры реквизитом. Если жар чувствуется на расстоянии, каково же ей там — находиться в эпицентре жерла?

— Ты лучшая! — выкрикивает кто-то из толпы. А кто-то повторяет.

И вот настает то самое мгновение, когда на Солнце надвигается туча в виде Тимофея. Нет, он не заслоняет ее, а лишь пристраивается со спины с двумя короткими палками в руках и дополняет ее огненный рисунок. Знаю, эти палки называются даблы. Смотрится эффектно, особенно на фоне нарастающих сумерек и мелькающих отражений в темной воде близлежащей реки. Огоньки мчат друг за другом, очерчивая силуэты танцующих, похожие на индийское божество Шиву, с четырьмя руками. Тимофей выше Саши. Выше и крепче. Он, переложив даблы в одну руку, легко ловит девушку свободной и заставляет провиснуть в поклоне, растянув веера по песку в изображение цветка.

«Ему нравится Юля, нравится Юля. Не ревнуй», — успокаиваю себя всеми силами, даже когда Тима позволяет себе чмокнуть мою Сашу в шею. С одной стороны, вполне невинный поцелуй, ведь они уже столько лет выступают вместе. Для сценического образа смотрится очень даже аппетитно. А с другой, это немного обидно: почему Тимофею можно, а мне нельзя?

— Пс, Зяблик, твой выход, — склоняется Юля над моим ухом, но в этот раз не кусает.

У нее в руках поблескивает бутылка с лимонадом. Запах дешевого дюшеса (откуда она только взяла это старье?) наслаивается на ее цветочный гель для душа, дорогие духи и неопровержимую ноту утренних лисьих проделок. Но здесь Юля в своей тарелке: никто так не сочетается, как киперы и фаерщики. Первобытные запахи, приправленные керосином, смешиваются, и нам становится вполне комфортно находиться в одной среде.

— Что? Сейчас? Но она только отвыступала…

— Давай, вперед! Остальных беру на себя, отвлеку их, пока ты будешь своей ненаглядной «предложение» делать! — тянет меня за руки Юля.

Она не принимает отказов, и я поддаюсь ее напору. Все-таки встать с насиженного места не так страшно, как страшна цель самого предприятия. На берегу уже выступают другие ребята. Они из нашей компании — Кира, Фил и Еж, в смысле Ева. Но Евой эту девушку никто не называет: у нее всегда взбаламученные волосы, причем они короткие и светлые, в брови, в ушах, в носу и невесть где еще по сережке, ну и курит она как паровоз. Короче, Еж — колючая и грубая. Если честно, я ее побаиваюсь. Фил ничего такой, сносный, с ним можно поговорить иногда о хорошей музыке, еще он парень серьезный и много работает, живет с девушкой. А вот

с Кириллом я совсем не лажу, с ним сложно: много понтов. Чтобы добраться до эго, необходимо перескочить через его завышенное чувство собственной важности, но и тогда истинное лицо прикроют гордость и здоровенное самомнение. Поговаривают, что Кира, крутя поиз[3], словил звезду, а до этого был паинькой. Но это все легенды.

Посматривая на ребят, я вовсе не хочу досконально запомнить их выступление, просто отвлекаюсь от предстоящего разговора, если таковой вообще удастся. Юля толкает меня в спину в сторону Саши, надеясь, что я таким образом смогу пролететь быстрее до маячащего перед глазами объекта. Я и лечу, только стопы в сланцах врезаются в песок и с каждым шагом идти все сложнее. Песок словно поднимается по моему телу вверх и наполняет собой легкие, иначе почему так сложно дышать? Сердце молотится, в глазах темнеет, а руки бьет непроизвольная дрожь. Я роботом останавливаюсь рядом с Сашей, которая меня не видит: присев на корточки, она укладывает веера на камни до следующего выступления.

— С-солнце, — заикание не входило в мои планы, но что поделать, я то еще ссыкло.

— А? — она оборачивается, и я теряюсь. «Бежать! — крутится в голове. — Отступаем».

— Пр… прой-демся? — разумеется, в сценарии было что-то такое: «Солнце, ты выступила великолепно! Обожаю твои танцы. Хочу пригласить тебя погулять по берегу. Составишь мне компанию?» Но меня хватает только на то, чтобы вытягивать из себя дергающиеся звуки.

— Зяблик, громче! Все орут, я ничего не слышу, — Саша вырастает до моего уровня и выжидающе смотрит в глаза. Я стушевываюсь. Между нами пропасть.

— Пригласить погулять он тебя хотел, — раздраженно говорит Юля, проходя мимо нас.

— А ты его переводчиком заделалась? — кричит ей вслед Саша.

Юля отвечает Солнцу неприличным жестом, на что Саша только кривится и снова переводит взгляд на меня.

— Ладно, давай пройдемся по берегу, хочу ноги помочить в воде.

И она берет меня за руку. Тянет за собой. Тут уж сердце совсем не знает, как реагировать. Оно то ускоренно бьется, то замирает. Ноги делаются ватными, я иду на одеревеневших несогнутых, еле успеваю за Сашей. Ее шаги быстрые и уверенные, целенаправленные. Чтобы не пялиться на ее оголенную поясницу, оглядываюсь по сторонам. На нас порой кто-то смотрит из толпы, Тимофей провожает глазами. Юля стоит рядом с ним подбоченившись, молча кивает мне, типа «будь мужиком».

Мы уходим все дальше от людского гула, шипения огня и ритмичной музыки. Фоном нашего молчания становятся прибивающиеся к берегу волны речушки, легкий ветерок и стрекочущие сверчки, затеявшие природный ансамбль. Солнце шлепает босыми ногами по воде, как и хотела. Она выпускает мою руку и свободно идет, запрокинув голову к небу. Слышно вбирает ноздрями воздух и точно так же спокойно и умиротворенно выдыхает. Будь я чуть наглее, обязательно бы обнял ее за талию, а так — плетусь сзади, запуская в сланцы воду и заранее зная, что стопроцентно натру мозоль.

— Мм, какой приятный вечер! Тело горит от огня, а ноги в прохладной воде. Я так люблю эти танцы! Яр, что скажешь? Круто?

— Очень, — глотаю во рту слюну, взявшуюся из ниоткуда. Она вязкая, что даже давлюсь и начинаю кашлять. Как назло, не переставая. — Все хорошо, — оправдываюсь.

— Да что с тобой такое? — Солнце сокращает расстояние и, убрав свой локон за ухо, внимательно исследует мое лицо.

— Я. Я, — еще немного покашлять в сторону, а потом смотреть на объект обожания слезящимися глазами — это так по-зябликовски!

— Что случилось? Ты заболел? Если ты мне сейчас же не скажешь, то я уйду! — злится девушка моей мечты.

---

[3] Инвентарь для кручения и жонглирования, пара шаров, к которым приделана веревка или цепь.

— Ты нравишься! — выбиваю из легких последний кислород на признание и сдуваюсь окончательно. — Мне… — произношу на выдохе, надеясь, что она услышит. Как-то резко до меня доходит, что мое «нравишься» прозвучало слишком мелко для такой яркой Звезды по имени Солнце. Даже сейчас она недосягаемая, стоит передо мной, а я не понимаю, могу ли прикоснуться к ней после этих слов. — Очень нравишься, с пятого класса.

Живот скручивает, образовавшаяся буря внутри бьет под дых, но я продолжаю. Дотянуться ладонью до ее щеки оказывается непосильной задачей, потому мягко прикасаюсь рукой к ее плечу и тянусь губами. В такие моменты, как мне кажется, лучше закрыть глаза, но я боюсь промахнуться. Сашины глаза и нос приближаются, меня тошнит, голова кружится от волнения, но поцеловать любимую, конечно же, хочется сильнее всего. Остаются считанные сантиметры до ее притягательных губ и свежего дыхания, которое упирается мне в лицо нотками ягодной жвачки…

— Постой, — мои губы встречаются с тыльной стороной ее ладошки. Пожалуй, это для меня уже хорошо, но я чувствую себя идиотом. — Думаешь, этого достаточно? — она отходит от меня на шаг и скрещивает руки. — Просто признаться, и все? Полагаешь, я буду от этого без ума и со мной можно делать что захочешь? Зяблик, я о тебе была лучшего мнения.

— Прости, мне правда жаль! Я не хотел тебя обидеть. Могу ли я исправить ситуацию? — на извинения у меня находится достаточно сил и голоса. По телу растекается адреналин, а перед глазами — обиженное лицо прекрасной девушки. Как говорила Юля — брать быка за рога, — не получается, Солнце нежная и восприимчивая, я разрушил последние мосты, которые стягивали наши берега.

— Ярик, отношения — это всегда работа и ответственность. Нельзя целовать девушку только потому, что она тебе нравится. Ты должен завоевывать ее внимание, бороться за ее сердце. Цветы, конфеты, ухаживания, баллады под окном, я уж молчу про соперников, которых тебе предстоит обойти.

— А у меня есть шанс?

— Конечно! Мы давно дружим. Я даю тебе шанс, но… вот в чем дело: я так устала от романтической чепухи и еще одного плюшевого медведя в моем доме просто не выдержу, — задумавшись, Саша медленно переступает по мокрому песку, направляясь к месту нашего привала. — Скажи, Зяблик, а ты правда готов ради меня на все?

— Правда! — чуть ли не выкрикиваю, настолько вдохновлен тем, что у меня есть шанс. Значит, не все так плохо и я чего-то стою?

Но ее вопрос, конечно, странный. Не заставит же Солнце прыгать меня со скалы, чтобы доказать свою любовь? И такие фильмы смотрел, ничем хорошим подобное не заканчивалось. В погоне за доказательствами люди часто теряют рассудок.

Мы возвращаемся к фаерщикам и их зрителям. Из мобильной колонки орет музыка на всю округу. На берегу вырисовываются дикие танцы. Здесь уже без разбора — ни заученной программы, ни синхронных элементов, настоящий сумасброд. Тимофей виртуозно вращает стаф — большую палку с огоньками на концах; Еж и Кирилл перекидываются даблами, как жонглеры в цирке, Фил мучает пои, которые почти погасли, иначе говоря — докручивает, чтобы не лежали без дела. Оказывается, наивысший уровень радости и криков исходит от Юли. Моя подруга вооружилась огненными веерами и танцует, подпевая назойливой песне. Она дурачится, абсолютно не зная ни одного элемента, размахивает реквизитом, как жираф из мультика: «Ого-о-о-онь!» И снова кружится. И снова подпрыгивает. Народу очень нравится новоиспеченная фаерщица, они аплодирует, и хоть бы кто задумался о технике безопасности. «Все-таки Тима ненадежный товарищ, он подвергает ее опасности», — подмечаю для себя. Оно и ясно, что веселье господствует над здравым смыслом, но настоящий мужчина ни за что бы так не поступил.

— Юль, может, хватит? — пробираюсь сквозь людей, хлопающих в ладони. Саша на удивление идет за мной. Приятно, будто я уже заслужил какое-то доверие или плюсик в карму.

— Кончай беситься. Это мои веера! Пора показать, как работают профессионалы, — а нет, дело не в доверии, Солнце пришла забрать свое.

Но я рад. Под недовольства Саши Юля включает голову и протягивает горящий реквизит владелице. Выступление повторяется. Новые залпы свистов и комплиментов. Саша и Юля разные. И я говорю не про огненное мастерство, а вообще: как они по-разному смотрят, двигаются и живут. Солнце, кажется, левитирует, что ни действие, то само совершенство, идеально и красиво, такое завораживает. А вот Юля — про душевность. Ее танцы и пламя зажигают огонь в тебе самом. После ее рваных движений хочется жить еще больше и еще ярче.

Подруга устало падает прямо на песок и смотрит на звезды, подложив под голову руки. Я сажусь рядом и тоже поглядываю на светящиеся небесные тела. Их великолепное множество, миллиарды мерцающих огоньков в темноте, застрявших в вечном танце ночи.

— Тебя можно поздравить? — спрашивает Юля.

— Почти. Саша дала мне шанс на завоевание ее сердца, — с гордостью докладываю обстановку.

— Чего? То есть отшила? Вы не поцеловались?

— Не отшила, просто она права: я слишком тороплю события…

— Зяблик, я тебя умоляю. Уж кто-кто, а Солнце пересосалась со всеми парнями из своей фаер-команды. Сомневаюсь, что они этого долго добивались.

— Прекрати, зачем ты так говоришь?!

— Хочу защитить тебя от провала, — Юля присаживается на песке и подозрительно долго смотрит на меня.

— Не будет никакого провала, ясно? Я докажу свою любовь и мы с Солнцем будем вместе!

— Чушь.

Мы спорим, с детства: у Юли свое мнение, у меня свое. Наши мировоззрения совпадают редко, просто я более покладистый и иногда соглашаюсь, чтобы не разрушить дружбу. Или затихаю, как сейчас. Порой нам нужно немного остыть, перед тем как возобновить общение. К счастью, на фоне зрители тоже затихают, постепенно расходятся. Ребята — Тима и Фил — разводят костер, вокруг которого мы собираемся и сидим под еле пиликающие звуки, доносящиеся из разряженной колонки. Время за полночь, и я уже предвкушаю, как буду тяжело вставать с утра на работу, но почему-то сейчас это беспокоит меньше всего. Больше я волнуюсь, когда рядом со мной садится Солнце и кладет голову мне на плечо. Боюсь спугнуть ее порыв, поэтому попросту сижу статуей, не проявляю интереса к ее персоне. Хотя внутри все кипит и бурлит от восторга, когда она так близко.

— Яр, я замерзла, можно твою джинсовку? — просит милейшее создание.

В ту же секунду избавляюсь от джинсовки и накидываю ее на Сашу под улюлюкающие возгласы ребят. Для них это в диковинку: обычно я никак не проявляюсь, только молчу или поддакиваю, когда того требует ситуация. Излишнее внимание расщепляет меня на кусочки, призывает спрятаться, провалиться под землю, лишь бы только отстали.

— Наш Зяблик влюбился, — вдруг говорит Саша. У меня все отрывается внутри. — В меня. Он утверждает, что готов пойти на все, чтобы заслужить мой поцелуй. Да, Яр?

Киваю, опустив глаза в песок. «О господи, за что она со мной так?! Как стыдно. Ужасно неудобно, когда все пялятся…»

— Ага, не перевелись еще богатыри, — посмеивается Тимофей.

— Тима, захлопнись! Вообще-то, это серьезно. Зяблик хочет выбраться из френдзоны, я ценю его рвение, поэтому мне нужна ваша помощь. Каждый из вас возьмет сейчас по листку и запишет на нем антижелание для Зяблика.

— Это как? — уточняет Фил.

— Типа есть список желаний, то, что тебе хочется сделать, а это анти, значит, противоположное желаемому, — размышляет Кирилл в своей манере.

— Спасибо, Кира, я сама, — осекает его Солнце. — Видите ли, нас семеро, выходит семь антижеланий навстречу любви. И романтично, и небанально. У Зяблика будет семь возможностей доказать свои чувства, а у меня будет время подумать о взаимности.

— Седьмой Яр. Он тоже будет писать себе антижелание? — спрашивает Юля, только на нее и могу взглянуть в эту тяжкую минуту.

— Пусть пишет что хочет! Это честно будет! — заявляет Еж, не ожидал от нее. — Шесть ложек дегтя и одна — меда.

— Хорошо. Яр, ты можешь написать для себя желание, но оно не должно совпадать с финальным призом, то есть поцелуем, — соглашается Саша.

— Да, напиши сразу про постель, убьешь двух зайцев…

— Кир, ну и язык у тебя, как помело! — злится Солнце.

— А Зяблика ты спросила? Яр, ты согласен на этот бред? — снова вклинивается Юля.

Она серьезна как никогда. Тима прижимает ее к себе, растирая руками голую кожу на руках, но Юле хоть бы что, и знаки внимания парня идут боком. Она спокойно переносит эти ухаживания, возмущенно вытаращив на меня глаза. Подруга знает, что я подобного не переживу. Если мне удастся хотя бы на миллиметр приблизиться к Солнцу и получить от ворот поворот — я труп. Еще и эти антижелания…

«Она выставила тебя идиотом перед всеми», — примерно что-то такое читается в зеленых глазах Юли.

«Просто сказала правду», — пожимаю плечами.

«Она тебя унизила. А сколько унижений предстоит!»

«У меня нет выбора. Я должен попробовать».

«Она точно этого стоит?»

«Точно».

— Я согласен. Только без пошлостей. И что-то реальное, — подтверждаю свое участие.

Под треск огня и слабый свет, исходящий также от языков пламени, каждый по очереди царапает ручкой буквы на оборванных тетрадных листах. В руках друзей сейчас находится моя судьба, смогу ли я преодолеть шесть ступеней и поцеловать Солнце, или мое желание так и останется мечтой. Светлой и недоступной, маячащей на фоне моей вяло текущей жизни. Еж вписывает антижелание быстро, сминает листочек и вкладывает в трикотажную шапку, передает эстафету следующему. Кирилл и Тима долго перебрасываются между собой понятными только им комментариями, можно сказать, придумывают мне издевательства вместе. Это и смущает: одна идиотская башка хреново, а две таких башки — караул для зябликовской нервной системы. Фил пишет молча. Юля, прежде чем нацарапать каракули на бумаге, а с подчерком у нее проблемы, тысячи раз переспрашивает немым взглядом: «Ты правда этого хочешь?», на что я только киваю. Порой самые обидные пинки бывают от близких тебе людей, но ничего не поделаешь, Юля — заложник ситуации, ее сопротивление бесполезно. Шуршащая шапка возвращается к Солнцу, куда она вкладывает последнюю записку и сворачивает ткань, чтобы внутренности не развеялись по ветру.

— Вываливать все желания разом запрещено. В случае повтора или некорректной записи собираемся для обсуждения и урегулирования конфликта. Срок исполнения — до конца лета. С этого момента наш договор вступает в силу. Каждое антижелание фиксируется на камеру и выкладывается в чат для чистоты эксперимента, — поясняет Саша.

— В случае выигрыша ты целуешься с Зябликом, — напоминает Еж.

— А в случае проигрыша? — улыбается наглая морда по имени Кира.

— Придумываем наказание. Это логично, — заявляет Солнце.

— И прекрасно, — Тима отбивает пять Кире.

«На что я подписался?» — спрашиваю себя, сжав в руках трикотажную шапку, наполненную записками с чужими желаниями, в полудреме на пассажирском сиденье Юлиной «Лады Гранты».

Глава 4

На следующий день мы с Сашей снова пересекаемся на улице. К моему удивлению, Харитон Борисович не натягивает поводок и солнце не так сильно слепит глаза. Я отчетливо вижу силуэт. Копна светлых волос распадается в беспорядке по плечам, Саша чуть наклоняет голову набок. Я тянусь пальцами к ее ключице, чтобы ощутить нежность бархатной кожи, провожу рукой вдоль шеи к подбородку, страстно ухватываюсь за него и тяну к себе.

— К черту антижелания! — шепчет мне в рот Солнце, и мы беспардонно целуемся, сцепившись языками и телами. Я тону в ее объятиях, околдованный нахлынувшими эмоциями, и даже в такой момент пытаюсь выдавить из себя каплю совести.

— Саш, подожди, — бормочу в поцелуе, но она же совсем не слушает…

Сон рассеивается в считанные секунды. Я осознаю, что сплю, когда Солнце дурашливо проходится языком по моим щекам и носу, разбрызгиваясь слюной во все стороны. Сквозь дрему и головную боль продираю глаза, чтобы увидеть перед собой Харри, активно облизывающего мое лицо. Корги рад стараться: весело умывает хозяина, лишь бы я встал и вовремя вывел его на улицу.

— Харри, хватит, а-а-а! Фу! Дружище, это ни фига не приятно! — морщусь от его мокрого нападения.

Харитон прыгает по кровати и несколько раз проходится по мне, восхваляя утро и все, что может быть связано с этим замечательным временем суток. Так и думаю, что в его голове: «Парень, утро! Пойдем, там куст неописанный, надо прочитать все новости, — а я представляю, что он именно считывает сообщения от других собак, когда утыкается носом в тротуарную дорожку или траву, — и вообще, ты видел, что там? Там солнце и зелень, столько поводов жить! Ай как хорошо!»

Признаю, собаки — позитивный народец. У них всегда все замечательно, даже если не все. Хозяин дома — изумительно! Положили поесть — изумительно! Не положили поесть? Так, значит, положат потом, и это тоже будет изумительно! Переживать не о чем, ведь день всегда прекрасен, по собачьему определению. Жаль только, у людей не так, Харитон Борисович сошел бы с ума, читая мои мысли.

Утренние процедуры проходят сносно. Всю прогулку я не перестаю думать о трикотажной шапке, что лежит у меня в комнате на письменном столе. Нет, мне не приснилось, и вчера друзья действительно понаписали мне антижеланий, которые я должен выполнить до конца лета, чтобы заслужить поцелуй Саши. Мне не терпится начать, если сказать точнее: хочется вытрясти из шапки все свертки и прочитать, чтобы знать, к чему готовиться. Но все та же совесть останавливает, это же нечестно! С зубной щеткой во рту расхаживаю по комнате и делаю вид, что собираюсь на работу. Я и правда закидываю в рюкзак необходимые вещи, но все чаще посматриваю на стол. «Друзья еще спят, может, пора записать видео? Или как? Я не могу подстраиваться под их биоритмы, у меня приготовление завтрака и работа», — хожу по кругу, отмеряя шагами комнату.

К слову сказать, она у меня небольшая: всего-то помещается односпальная кровать и старенький письменный стол. Со времен окончания школы мы с мамой затеяли ремонт. Я загорелся идеей и в тот же день содрал обои со стен, однако поспешил. Проект моей студенческой комнато-спальни до сих пор находится на стадии разработки. Мама, занимающаяся дизайном, как сапожник без сапог: ей постоянно приходится проектировать залы и спальни для клиентов, она устает и каждый раз категорически тяжело приступает к обсуждению моего интерьера. С одной стороны, мы хотим что-то нейтральное, а с другой — мама утверждает, что ей надоели

эти обыденности и нужно что-то особенное. В общем, прошел год, а стены в моей комнате до сих пор голые, с обрывками старых обоев, рядом с гардеробным узким шкафом стоит стул, на который я скидываю одежду, которая еще не такая грязная, чтобы убирать ее в стиральную машинку, но и не чистая, чтобы положить обратно в шкаф.

Пригладив антенки на голове, включаю фронталку:

— Всем привет! Сейчас шесть тридцать, знаю, все спят, кроме Юли, конечно… зачем я это сказал? — вырубаю запись и включаю снова: — Всем доброе утро! Я проснулся… идиот… — в голове возникает ассоциативная цепочка с выползающим Лунтиком, который: «Я родился!» — Привет! Приступаю к списку антижеланий. Вытягиваю первое, — уже лучше, разворачиваю камеру, чтобы было видно мою руку и шапку, как я достаю из нее записку. — Первое антижелание… эм… что? М-м… «Сделать пирсинг», — конец связи.

— Что-о-о-о?! — растягиваюсь в ужасе и уже без видеонаблюдения читаю с листа снова. К сожалению, буквы и смысл от этого не меняются. — Какого черта?! Серьезно?! «Сделать пирсинг».

Не нужно быть экстрасенсом, чтобы понять, кто это написал. У меня трясутся руки. Присаживаюсь на кровать и смотрю сквозь тетрадный листочек с неровными краями. Вращаю его меж пальцев и никак не могу взять в толк, что мне придется это сделать. Вокруг ног вертится Харитоша и игриво поскуливает, зная, что скоро мы пойдем есть. «Скормить желание собаке? Нет, а чего, собственно, я ожидал? Что совершеннолетние, каждый в меру своей испорченности, придурковатого типа люди напишут мне лайтовые антижелания? Как бы не так. Уверен, в шапке имеются задания и похлеще! Но даже это для меня слишком. Пирсинг чего? Это же невыносимо больно!»

— Точно! Я же работаю в зоопарке, а там нельзя все эти причиндалы носить. Надо написать ребятам в чат, чтобы заменили задание, — радуюсь собственной находчивости и оживленно подхватываю телефон.

Сначала отправляю видео, а затем послание, почему не могу этого сделать. Я строчу целое письмо со всеми втекающими и вытекающими последствиями: как это опасно и необдуманно, чуть ли не лишает меня жизни в один из прекрасных дней во время контакта с животными. Естественно, мне никто не отвечает в такую рань. Моя тревога спадает в надежде, что мне не придется делать пирсинг чего бы там ни было, и я с обретенной легкостью иду готовить оладьи.

— Осточертеть, Зяблик! — Юля врывается на кухню без предупреждения. Я на всякий случай окидываю себя взглядом, увы, сегодня не в «семейниках», как подруга выражается, не удастся ее позлить. — Яр, не хочешь об этом поговорить? Что будешь прокалывать? — она в короткой маечке на тонких бретелях и шортах-бермудах, делающих ее худые ноги еще худее.

— Не собираюсь я ничего прокалывать! Ты не читала сообщение?

— Сообщение? Нет, только видео посмотрела, погоди, — вот оно, доказательство налицо, что никто не читает «многобукв», даже в чатах. — Весомо, конечно, но вряд ли тебя это убережет от дополнительной дырки в теле. Ну? Ты решил?

— Нет. И не буду. Это неадекватно.

— Хватит тебе! Круто же! Давай нос? Потом вставим в него колечко, я буду водить тебя, как телка.

— Да меня родители убьют за такое!

— Тебе четыре годика, что ли? — Юлины брови подлетают высоко вверх. — Не хочешь в видном месте, можно проколоть то, что скрыто, например, пупок. Или сосок. Или…

И Юля начинает тыкать меня в живот, надеясь попасть пальцем в пупок. Щекотно. Стою у плиты и хохочу, как ненормальный, с каждым новым ее касанием контролировать оладьи на сковороде становится все сложнее.

— Сейчас подгорит все, — шиплю на нее, боясь разбудить родителей.

Однако Юля продолжает. Ее пальцы тонкие, как спицы, вскоре я сдаюсь и начинаю смеяться в голос. Харитон Борисович приходит на помощь, считая, что Юля совершает нападение на хозяина. Корги поднимается на две лапы и толкается нам в ноги, звонко лая. Кое-как успеваю переставить сковороду с включенной конфорки.

— Ну держись! — угрожающе выставляю перед собой пальцы.

Я знаю все ее слабые места. К примеру, Юля не терпит щекотку пяток. Без труда валю ее на пол и прохожусь пальцами по подушечкам ног. Даже через носки мои манипуляции оказываются ощутимыми, и Юля дергается, точно таракан, случайно завалившийся на спину. Харри добавляет свою булочную мощь, надавливая массой ей на живот, погавкивает, но при этом радостно облизывает все, до чего может дотянуться.

— Эй, мы вообще-то нападаем! — хлопаю по спинке четвероногого товарища.

— Дерзкая булка! Сидеть! Сидеть, говорю! — Юля чуть ли не лопается от смеха.

— А что здесь происходит?

Родители застают нас на полу раскрасневшимися и счастливыми. Я держу двумя руками Юлю за стопы, она, согнув колени, лежит на спине. Согласен, странная картина. Но этот вопрос больше прозвучал для того, чтобы обозначить, что в этом доме давно уже никто не спит. Мама почти сразу теряет интерес к происходящему и идет умываться, папа призывает Харитона и вместе с ним уходит в зал за утренними новостями по телику. Растрепанная Юля обирает с себя собачью шерсть, я отряхиваю ее волосы от пылинок.

— Тебе идет быть несерьезным, — говорит она.

— Юль, нельзя всю жизнь продурачиться. Это весело, но нужно голову включать. Я вчера не успел, и вот что произошло! — мою руки и ставлю сковороду обратно на плиту.

— Да брось, одна сережка твоему телу не повредит. Наоборот, некоторых это заводит даже. Вдруг у Саши фетиш на такие вещи.

— Как дыра на теле может заводить?!

— О-о, настолько все безнадежно? — морщится Юля. — Этот список антижеланий хорош тем, что выбьет тебя из зоны комфорта, ты почувствуешь жизнь иначе. Минус в том, что ты это делаешь не ради себя, а ради Солнца…

— Почему ты так не любишь Солнце?

— Хм… наверное, завидую. А что? Она красивая, успешная, парней у нее куча, все умеет, талантливая. Почему бы не перенаправить зависть в агрессию, как это делают все?

— На тебя не похоже.

— А я такая.

Ее слова звучат наигранно, будто только что придумала. Но оставляю Юлю в покое, потому что сразу после оладий мой телефон вибрирует без умолку — жужжит в заднем кармане джинсов. На мою беду, город просыпается, а вместе с ним — друзья. И, конечно же, никого не оставляет равнодушным мое видео и сообщение, о которых все, кроме Фила и Юли, просто обязаны высказать свое мнение.

Кира: *Еж, твоих лапок дело? Круто, дырявый Зяблик.*

Тимофей: *Что прокалывать будешь? Только не говори, что ухо.*

Еж: *Не надо ля-ля, зассал, Яр? Сдулся на первом желании? Только языком болтать и умеешь!*

Солнце: *Оставляем это желание. Зоопарк — не преграда, согласны?*

Кира: *Ерунда, можно пробить то, до чего звери не дотянутся.*

Еж: *Фотоотчет обязателен!*

Солнце: *Да, ждем фотоотчет!*

Тимофей: *Девочки, у меня тоже есть серьга. Не в ухе, как вы могли догадаться…*

— И с этими людьми я общаюсь, — вздыхаю, прочитав переписку.

— Яр, успокойся. Ты сам согласился на это. А раз уж так, то стой до конца! Хочешь, я пойду с тобой в кабинет, буду держать тебя за руку?

— Хочу, чтобы ты отговорила меня, как настоящий друг.

— Что ж, давай попробуем. Яр, твоя затея ужасна. Сам подумай — исполнять чьи-то идиотские желания. Сейчас пирсинг, а потом что? Напишут с моста прыгнуть и ты пойдешь? Своя голова должна быть на плечах!

— Отчитываешь, как моя мама, — подмечаю.

— Вдохновлялась ей.

Мы замолкаем, усевшись за стол. Юля подпирает руками голову, а я мучаю оладушек, мокнув его в ежевичное варенье, но после так и не закидываю в рот. Я на перепутье. Понимаю, что люблю Солнце, но дырявить ради этого тело — такая себе затея. Разве тебя не могут любить за просто так? Почему нужно постоянно кому-то что-то доказывать?

— Ты бы полюбила меня без дырки? — понуро спрашиваю у Юли.

— Нет, дружок, не слетай с темы. Я другое дело и давно тебя люблю, даже такого жалкого и занудного, как сейчас. Но и на место рядом с Солнцем ты претендуешь как парень. Так что здесь другие расценки. Решай.

— Чего тут решать… Ясно все. У тебя есть знакомый мастер?..

Сказать, что я в отчаянии? Да нет, не в отчаянии. По максимуму наслаждаюсь временем, что осталось между мной целым и мной, бьющимся в истерике, пока на другом конце иглы висит серьга, готовящаяся вонзиться мне в кожу над сердцем.

Глава 5

Самое отвратительное в жизни, с чем я сталкиваюсь каждый день, — это ожидание. Ничего нет хуже того, чтобы ждать! Стрелки часов на лавандовой стене, напротив которой мы с Юлей сидим, еле движутся. Еще немного — и у меня начнется нервный тик от их размеренного «потикивания». Передо мной еще два человека, но они не боятся. По внешнему виду заметно, что бывалые: парень с двумя сережками под нижней губой и девушка с пирсингом в носу и бесконечным рядом бусинок в ухе. Бесстрашные.

Со дня, когда я вытянул первое антижелание, прошла неделя, но легче не стало. Этот груз ответственности и глупости прибивает меня плечами к полу, я горблюсь и белею под воздействием бьющегося внутри страха. Подергиваюсь и вздыхаю, особенно когда из кабинета выходит мастер по пирсингу. Девушка улыбается мне, а я корчу гримасу в ответ, потому что мои растянутые в недоумении губы никак нельзя назвать улыбкой.

— Яр, не надо так сильно сжимать, — ойкает Юля, вынимая из моего крепкого захвата свою руку. И когда я успел прицепиться к ней намертво, как клещ?

— Прости. Я сейчас умру.

— Никто еще от пирсинга не умирал!

— Откуда такие сведения?

— Ну хорошо, было несколько случаев, но это из-за неправильного прокола и занесенной инфекции…

— Кто следующий?

Под звонкий голос мастера я подпрыгиваю на диванчике и пялюсь в приоткрытую дверь кабинета. Она белая, непрозрачная, по мне, так выглядит, будто врата в ад. Наверняка за ней кроются всякие приспособления, чтобы пытать людей. Нестройно и несмело приближаюсь к ней, но на подсознательном уровне все еще надеюсь убежать. «Ну скажите, что иглы закончились или срочно куда-то нужно уйти. Давайте перенесем этот кошмар на никогда!» — молю о пощаде, но мастер просит лечь на кушетку.

— Снимите майку, — говорит она.

— А? — не понимаю.

— Яр, майка! — Юля берется за концы моей футболки и тянет вверх. У девчонок любопытный способ стягивания футболок, но поддаюсь. Сам я точно сейчас не справился бы даже с такой простой задачей.

Кушетка холодная, моя спина приклеивается к кожаному материалу даже через одноразовую простыню в считанные секунды. В кабинете повсюду развешаны грамоты в рамочках, информирующие о постоянном повышении квалификации специалиста, его участии в областных конкурсах и заслуженных профессиональных наградах. Подоконник заставлен цветами, в большинстве своем — кактусами, окно зашторено, основное освещение падает с потолка от продолговатой лампы. Но вскоре мне в глаза ударяет луч напольного светильника, стоящего прямо у кушетки. Правда, возмущает меня не это. Меня возмущает щипок за сосок. И еще один. Это повторяется несколько раз!

— П-перестаньте меня щип-пать, — прошу девушку.

— Потерпите, сейчас разметим места прокола… — бубнит она, откровенно, не стыдясь, танцует рукой с маркером над моим напрягшимся соском. — На спор?

— Что? — кажется, у меня отключилась способность думать.

— Спрашиваю, на спор прокалываете? Обычно к нам такие приходят не по своей воле.

— Такие?

— Стеснительные мальчики. Извините.

— Что вы! Это во имя любви! — усмехается Юля. Она сидит на стульчике рядом с кушеткой и держит меня за руку, как и обещала.

— Сейчас нужно будет потерпеть, — заявляет мастер.

Вдавливаюсь в лежак сильнее и закрываю глаза. Весь жмурюсь и сжимаюсь от предстоящей боли. Она на подходе — острие иголки вонзается мне в кожу. Кажется, все ощущения скапливаются в одном месте. Жжет и ноет, горит до безумия. Я вгрызаюсь зубами в нижнюю губу.

— Зяблик, расслабься, почти все, — слышу голос Юли, но сейчас я на нее обижен: не она же дырявит себе сосок! Как она может что-то говорить вообще?!

Игла настойчиво пробивается вперед, вместе с ней — остатки моей гордости, из глаз брызжут слезы. Но именно в этот момент жжение в месте прокола отступает и я чувствую резкую секундную боль в районе запястья. Широко раскрываю глаза. Снова светлый кабинет и луч лампы. И Юля, сидящая на стуле, вонзившаяся зубами в мою руку.

— Ты меня укусила! — я снова возмущен.

— Ну да, чтобы переключить тебя. Теперь твой сосок не так сильно горит?

— Ты все вопросы будешь решать укусами?

— Яр, я работаю с лисами уже второй год. Поверь мне, это неплохой способ, — утверждает подруга.

— Все, мы закончили, — говорит мастер.

Я невольно окидываю раненое место взглядом. Слегка опухшее и алого цвета, с чужеродной штангой из хирургической стали, выпирающей в разные стороны из соска. «Так вот как протыкают сердце», — вспоминаю все эти рисунки с пробитым стрелой органом. Под кожей мое стучит все еще ускоренно, а над ним — по-прежнему ноет и тянет. Юля щелкает камерой, фотографируя это безобразие.

— Болит, — заявляю я.

— А как же вы хотели? Постепенно заживет. Поделайте компрессики, обрабатывайте хлоргексидином, и потом можно будет поменять серьгу, — объясняет мастер и тут же протягивает мне листочек с инструкцией по уходу. — Вам повезло с парнем. Белеет, как заяц, но упрямый, — распинается она перед Юлей.

— О да, Яр у нас ничего не боится! Просто еще об этом не знает.

Поднимаюсь с трудом. Вроде бы прокол такой маленький, а ною я полностью — с ног до головы! Поразительно, что люди соглашаются на подобное с огромным желанием и рвением, взять хотя бы Ежа: у нее все в пирсинге, выходит, она так и не смогла остановиться. Либо у меня очень низкий болевой порог, либо я не разбираюсь в удовольствиях. По мне так, ходить целостным и здоровым лучше, чем с постоянной болью от очередной серьги.

Неведомыми силами мы с Юлей натягиваем на меня майку, предварительно залепив ранку пластырем. Юля выводит меня из адского кабинета падшим воином, которого сгубила любовь к светловолосому демону во плоти. Одновременно подруга отвечает на сообщения в чате, и я могу видеть, как друзья лайкают мой опухший сосок.

— Видишь, всем нравится, — подмечает она.

— Главное, что цель выполнена. Интересно, что дальше?

— По нашему с тобой скромному договору мы едем в магазин за шмотками. Концерт близко, надо выбрать образ под стать судьбоносной встрече! — как и предполагал, голова подруги забита далеко не моим списком, а ее скорой встречей с музыкантом.

Мы выбираемся из салона и тормозим на порожке с каменными ступеньками. В нос вбиваются запахи поднятой пыли и сухости, днем температура воздуха спокойно доходит до тридцати–тридцати пяти градусов. Детишки, несмотря на палящее солнце, лазают на площадке, носятся по лестницам и горкам так, что смотреть страшно, а представлять себя на их месте — и того больнее. Я хромаю на левую ногу, положив руку на сердце, считаю шаги до Юли-

ной машины и надеюсь дойти. Она стоит на пороге и атакует меня шуточками, вместо того чтобы провести до места назначения. Но это тоже часть плана: рассмешить, разозлить, чтобы отвлекся. Я и отвлекаюсь, только не на ее шуточки, а на Фила, идущего с огромным квадратным рюкзаком за плечами.

«Не знал, что он работает доставщиком», — моментально проносится в голове.

Такая работа вызывает уважение. Тем более пеший курьер. Он, одетый в куртку от доставляющей фирмы, переступает устремленным шагом по разгоряченному тротуару, убирая с лица черные локоны. Взглядом Фил упирается в асфальт, бубня себе под нос некую мелодию, а может, ругательства в честь такого солнцепека и чересчур теплого обмундирования.

— Фил, привет! — машет ему Юля и тут же несется к нему, чтобы отбить пять или затискать в обнимашках. — Вот это у тебя прикид, — треплет его ладошкой по вспотевшим волосам и дует на лоб. — Ты слышал анекдот про замерзшую свинью в пустыни? Так вот, на самом деле она не замерзла, а померла от жары, это я так, к сведению.

— У меня скутер сломался. Уже десятый раз! Приходится разносить на своих двух, пока не починю, — поясняет Фил, одновременно пожимая мне руку. С каждым покачиванием мне все сильнее отдает в левую грудь, максимально сжимаю зубы, чтобы не скорчиться. — Ну как оно, Зяблик?

— Нормально, — все, что могу выдавить из себя в эту минуту.

— Орал, как девчонка. Больно любить, — добавляет Юля.

— Мое антижелание будет попроще, — Фил хлопает меня по плечу (да они издеваются! Прекратите тактильничать!). — Ладно, мне пора, я и так опаздываю по адресу.

И зря он это сказал. Потому что, не успев даже сделать шага, Фил становится вынужденным пассажиром гоночного болида, то есть «Лады Гранты». Юля хватает друга за лямку рюкзака и толкает в сторону открытой дверцы, на заднее сиденье. Никакие отказы или отмазки не принимаются, когда Юля хочет помочь. Она дожидается, когда я со скрипами и стонами займу свое место, и блокирует двери. Выглядит — сосредоточенней некуда, особенно Юлино лицо, как она пафосно пристегивается и надвигает темные очки на нос.

— Зяблик, маршрут перестроен. Сегодня подрабатываем в такси для курьера. Фил, пристегнись, — важно заявляет она.

— Да я сзади, ничего страшного… — отнекивается несведущий.

— ПРИСТЕГНИСЬ! — ору что есть мочи. Снова жжет, схватывает мясцо под пластырем, но не могу не предупредить товарища по бедствию. Нам всем плыть в одной лодке, то есть ехать и то есть на машине.

Юля заводит двигатель, выезжает с парковки и давит на газ. За несколько секунд она разгоняется с первой передачи до третьей, для ее тачки это очень круто, но кем бы я был, если бы не знал, что сегодня мы увидим и четвертую скорость. Фил выкрикивает адрес, резко схватившись за ремень, кажется, его «ничего страшного» под эпичным заходом в поворот на семидесяти километрах в час перерастает в дикий ступор, позже — в неудержимое желание пристегнуться. Юля пролетает над кочками и прочими неровностями на дороге, ямы побольше она объезжает, резко вихляя по сторонам. Я подскакиваю и врезаюсь в обивку салона, при всем экшене происходящего пристраиваю руку между ремнем безопасности и левым соском. Сомневаюсь, что экстремальная езда входит в список дозволенного после прокола.

— *Нас не догонят! Нас не догонят!* — заявляет голос, повизгивающий из колонок магнитолы. Никак иначе Исай записал кавер на всеми любимый трек группы «Тату».

— Полегче! — просит Фил, умотавшись на заднем сиденье.

— Почти на месте, — утверждает Юля, не желая ничего слышать, по типу: «Вижу цель, не вижу препятствий».

Для нее препятствием не считается красный сигнал светофора — она разворачивает машину и едет в объезд, лишь бы не стоять; как и отсутствие дороги — тоже не повод сбавить

скоростной режим, мы мчим по бездорожью под сотку с лишним, поднимая пыль отовсюду. Она клубится серым туманом под колесами, доходя теперь до закрытых вплотную форточек. Надо сказать, сама Юля не считает свое вождение экстремальным и очень удивляется, когда кто-то ей об этом говорит.

Паркуемся мы боком. Без понятия, как из такой старушки поддержанного российского автопрома моя подруга выжимает по максимуму, но Фил щекой прибивается к стеклу, не успев пойти против инерции. Свист шин стихает, как и закончившаяся песня, автосалон погружается в неловкое молчание и мои сдержанные покряхтывания. Фил с огромными глазами (наблюдаю за ним в зеркало заднего вида) потирает ушибленную щеку и шокировано косится на Юлю.

— И часто вы так ездите? — спрашивает он.

— Каждый день, — отвечает подруга.

— Теперь понятно, чего Яр заикается. Юль, да разве можно так по нашим дорогам носиться?!

— Только так и нужно, детка. Беги, давай!

Фил, наверняка переживает, что если помедлит хотя бы секунду, то этот агрегат вместе с несносным водителем рванет с места, он быстро выныривает из машины и тянет за собой рюкзак. Мы с Юлей провожаем его, глядя в черный затылок, вплоть до угла обшарпанной девятиэтажки. Находясь в статике, позволяю себе отвлечься от этого безумия, что творилось последний час, и посматриваю на птичек, купающихся в песочнице. Воробьи ловко вертятся в зыбучей структуре, активно помахивая крыльями и после так же бодро выпрыгивая на бортики детской приблуды. Завидую их беспечности и свободе движения, тогда как сам даже нормально повернуться в сторону не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.